

УДК 94(47).073/.081:32

С. М. Рябов

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А. И. ГЕРЦЕНА: В ПОИСКАХ ОРИГИНАЛЬНОСТИ

В статье проводится анализ эволюции общественно-политических взглядов А. И. Герцена с помощью методологии постмарксизма, а именно: дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф. Показывается, что на протяжении жизни Герцена несколько дискурсов боролись в его сочинениях, соединившись, в конце концов, в рамках дискурса русского социализма. Переосмысливается само наследие Герцена как мыслителя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постмарксизм, Герцен, дискурс-анализ, русский социализм.

Дитя своей эпохи – дитя дискурса? Вернее, дискурсов, которые менялись в ходе их борьбы друг с другом. «Для марксиста Герцен – человек своего времени, <...> дитя своей эпохи», по словам Луначарского [Воейков, с. 35]. Для постмарксиста, думается (несмотря на всю неоднозначность данного определения) [см.: Барковский, с. 64–72], также, но несколько под другим углом. Под каким же? Это нам и предстоит выяснить. Таким образом, главной целью нашей статьи является попытка рассмотрения эволюции общественно-политических взглядов Герцена с точки зрения методологии постмарксизма, а именно с позиций концепции дискурс-анализа, предложенной Э. Лакло и Ш. Муфф [см.: Гурин, 185–192].

Дискурс – способ понимания социального мира, придающий этому миру определенные значения. На протяжении всей жизни Герцена такие «способы понимания» менялись. Превращая биографию человека в схему, можно выделить несколько этапов таких изменений:

- 1) генезис и становление;
- 2) взгляды периода 1848–1849 гг.;
- 3) воззрения в рамках «русского социализма» 1849–1856 гг.

По этим трем выделенным периодам мы и будем рассматривать эволюцию взглядов нашего героя. Но возникает проблема: почему именно такое разделение? Что такое эволюция взглядов? Эволюция взглядов в русле используемой нами концепции дискурс-анализа – это вытеснение одного дискурса другим в рамках «борьбы дискурсов». Таким образом, периоды эволюции Герцена выделяются по изменению дискурса его сочинений, высказываний [см.: Русакова, с. 190–205].

Кроме того, существует еще один момент: множественность значений какого-либо понятия, которое использует Герцен. Зачастую его толкование понятия расходится с уже общепринятым или же с другим мнением, и он вынужден заменять одно понятие на другое, то, которое он считает ближе по смыслу к тому пониманию, которое он хочет выразить. Таковую эволюцию мы увидим, к примеру, понятие «анархизм», которое Герцен будет понимать по-особому, насыщенно, более интересное.

Примечателен еще один момент. Как позиционирует, идентифицирует себя Герцен в рамках дискурса? Революционер, мыслитель, дворянин – все это будет на страницах его сочинений. В этом также стоит разобраться. Какие идентичности для него являются приоритетными?

Итак, мы задаемся несколькими вопросами:

- 1) какие дискурсы были «гегемонами» в его сочинениях на протяжении всей жизни и из-за чего происходила их смена;
- 2) какие понятия использует Герцен для разъяснения своих мыслей, как эти понятия видоизменяются;
- 3) как выстраивает Герцен свою политическую идентичность (политический дискурс – дискурс изменения социального)?

I

Первое – генезис взглядов. Важная работа для данного периода – «Двадцать восьмое января» [см.: Герцен, т. 1, с. 29–35], где Герцен предстает перед нами во многом неоригинальным автором. Здесь главным является анализ преобразований Петра I, которым автор дает свою оценку. Петр выступает воплощением революции. Революции в смысле романтического: движение к качественному преобразованию. Но преобразования эти велись в рамках «особой формы деспотизма», без демократической оппозиции, которая и не могла существовать, ведь «иго татар» привело к тому, что в России не смогли получить развития эти демократические начала. Оппозицию же представлял собой Петр, но оппозицию народу. Царь представлял Европу, а народ, как следует из рассуждений, видимо, некоторую «особость» из азиатских, византийских и славянских черт. Так, Петр обратил взор России на «цивилизованный Запад» для того, чтобы перенять у него необходимые элементы развития. Однако далее Герцен замечает, что от петровских преобразований осталось мало что, ибо России еще предстояло достигнуть уровня (или масштаба) петровского гения. «Пусть разовьется у нас народность, пусть русские, быстро

слившиеся с Европою, или, лучше, вдохнув ее в себя, оставят одни элементы, им свойственные, и переработают их в свое собственное» [Герцен, т. 1, с. 29–35].

Таковы мысли Герцена о политико-правовом развитии России. Так, ключевым понятием является здесь понятие «революция», понимаемое как качественный скачок, изменивший направление исторического развития. Страна движется европейским путем и, соответственно, должна, принимая европейские политические и правовые аспекты, переосмысливая их в своем ключе, двигаться вперед. Однако, как мы уже заметили, Герцен не оригинален в своих рассуждениях. Они вписываются в западный дискурс, да и сам Герцен явно свою идентичность видит внутри этого поля. Россия есть Европа через переосмысление. Таков, в частности, университетский период формирования взглядов Герцена.

Интересны мысли Герцена в первые годы его ссылки. Стоит сказать, что они не сразу видоизменяются или даже обретают какой-то налет революционности. Скорее, напротив, эти мысли довольно сдержанны. Важно рассмотреть по крайней мере две его работы этого времени: «Несколько слов о лекции г-на Морошкина» [Там же, с. 319–320] и «Отдельные замечания о русском законодательстве» [Там же, с. 320–323].

В первой заметке, написанной в 1833–1834 гг., Герцен также не оригинален. Достаточно привести цитату: «Россия – еще юноша, и народы – взрослые – должны воспитывать ее» [Там же, с. 319]. Во втором сочинении все интересно для будущего революционера. К примеру: «Правительство есть формула движения, выражение идеи общества, форма его историческая, факт непреложный» [Там же, с. 319–320]. Правительство Герцен предпочитает народу. Доказывает он это тем, что правительство стояло выше в развитии самого народа, по крайней мере, по двум элементам: именно оно вводит коллегиальное начало и дворянские выборы. До этого Россия, что называется «снизу», дойти, по Герцену, не могла. Далее уж совсем интересно про институт монархии: «воля царя самодержавная есть воля самого народа, его решение имеет святость», т. е. не подлежит сомнению и обжалованию. Тормозом же развития России, считает Герцен, выступают несколько причин. Первая – народ не понимает законов, свои права. Вторая – некоторые государственные учреждения основаны на противоположных началах и, следовательно, препятствуют друг другу в развитии. Третья – законы существуют для дворян и, скорее, написаны для них, чем для остальных социальных групп.

Как видим, если последние две причины основаны на том, что мы можем назвать предложением умеренных реформ, замечаний по суще-

ствующему порядку вещей, то первая – тот же просвещенческий дискурс: народ нужно просветить, чтобы он знал свои законы, тогда будет устранена первая причина, мешающая развитию страны. Интересно, что далее «юридическую жизнь человечества» должны повести США и Россия: «Россия как высшее развитие самодержавия на народных основаниях, и Америка – как высшее развитие демократии на монархических основаниях» [Герцен, т. 1, с. 323].

Такой проникновенный монархизм, выражаемый в ссылке, напоминает разве что Достоевского с его произведениями послессылочного периода. Если первое произведение – явное западничество, то второе вписывается в официальный дискурс, вполне дозволенный властью. Здесь политическая идентичность Герцена предстает перед нами в обличье умеренного мыслителя, выражающего некоторые соображения по поводу улучшения законодательства.

Мы не разделяем эти периоды в жизни Герцена. Для нас это единый период, зачастую, неоригинальных мыслей в рамках умеренного дискурса, где политическая идентичность автора, не сформированная в полной мере, предстает как не слишком выходящая за рамки дозволенного.

В 40-е гг. XIX в. Герцен обращается к Гегелю и его концепции развития духа, пишет несколько работ о Востоке и о греко-римском мире [см.: Герцен, т. 2, с. 151–176]. Но он скорее следует за Гегелем, не внося чего-то нового в свое мироощущение. Открывая дневник Герцена за 1842–1845 гг., мы видим, как изменяются его мысли, если сравнивать их с теми, что мы рассмотрели ранее. Здесь Герцен называет самодержавие «болезнью», говоря, что в России оно стало самоцелью, «словом эпохи» [Герцен. Дневник 1842–1845 гг., т. 2, с. 280–281]. Переводя свой взор снова на Западную Европу, Герцен пишет, что этой «болезнью» здесь переболели быстро. Он задается вопросом о форме правления, не видя будущего для России ни в самодержавии, ни в республике. Если первое – «болезнь», то второе – не свойственно стране из-за того, что демократическое начало не могло выработаться здесь, а вследствие этого произросло крепостное право, которое является признаком «несединения» государства и народа. Народ никак не участвовал в эволюции государства.

Так, мы видим эволюцию Герцена здесь, но видим ее все же в рамках одного периода. Все эти изменения в рамках одного западнического дискурса, где самодержавие в России – «болезнь», потому что стало самоцелью, а в Европе – закончилось; ранее такого противоречия Герцен не видел, также находя «самодержавные» государства и в Европе.

Однако тезис о первичности правительства, а не народа уходит в прошлое. Появляется разьединенность народа и государства, где одним из главных проявлений является «болезнь» самодержавия, а ее следствием становится крепостное право. Идеалом же для Западной Европы является республика со всеобщим избирательным правом, во главе с народом. О России Герцен так не говорит. Что есть идеальная форма правления для нее, так и остается неясным. Что-то между республикой и монархией? Конституционная форма последней? Эволюция, так или иначе, хоть и в рамках одного дискурса, видна, что открывает простор для новых мыслей Герцена, которые сбросят эту гегемонию западнического дискурса, открыв дорогу для качественно новой ступени в мыслях Герцена, для оригинальных идей, с которыми он и войдет в историю.

II

Период эмиграции Герцена – период дискурсивной трансформации. 1848-й год перевернул как его воззрения, мысли, так и полностью всю жизнь. «Я не умер, но я состарился, я оправляюсь после июньских дней, как тяжелой болезни» [Герцен, т. 6, с. 42]. Он, как сам же и выразился, начал «страшный суд разума» над всем, что раньше было ему дорого. Так поэтично Герцен описывает падение гегемонии одного дискурса и восхождение другого.

Революция 1848 г. разочаровывает Герцена приходом к власти буржуазии, а не народа. Но кого ему винить в этом? Выборы были на основе всеобщего избирательного права. Но такое устройство – не хуже ли оно самодержавия? Не подмена ли это одной «болезни» на другую? Вот о чем думает Герцен. Самодержавного короля сменила самодержавная ассамблея, в руки которой народ отдавал свою свободу, как ранее отдавал ее в руки монарха. В чем же заключается завоевание революции, если народ все равно остается без свободы? Дискурс свободы народа выходит у Герцена здесь на первый план. Республика для Европы – такое же самодержавие, как для России – конституционная монархия: это такой же самообман. Республика – не власть народа, а передача своей свободы в руки нескольких самодержцев.

Однако следует понимать, что представительная республика – необходимый переходный этап (для Герцена) от монархии к социальной республике, хоть сама монархия лучше этого переходного этапа. М. Малиа совершенно, как думается, верно называет разочарование Герцена разо-

чарованием в «формальной демократии», где старая аристократия не просто осталась, но еще и упрочила свои позиции [Малиа].

Но просвещенческий контекст никуда не исчезает, вторгаясь в рамки дискурса о свободе. «Свобода ничего не значит, пока не проникла в убеждение, пока не сделалась верой, мыслию, мнением», – пишет Герцен в «Письмах из Франции и Италии» [Герцен, т. 5, с. 158]. Так, свободу в человеке нужно воспитывать и культивировать.

Далее Герцен начинает сравнительный анализ идеала республики и идеала монархии. Для этого он вычленяет несколько критериев. Первый – режим правления. Для монархии – это отец, пекущийся о своих детях; для республики – это артель братьев. Следующее – наличие или отсутствие священного авторитета. «Уничтожение авторитета – начало республики» [Там же, с. 180], ведь люди объединяются не на основе религиозного, харизматического чувства, а на основе разума. Разум – следующий критерий. Для монархии характерно управление людьми, в республике же каждый человек способен управлять сам собой. А следовательно, монархия негуманна, ведь видит в народе стадо, в республике же каждый человек – брат другому человеку, все люди способны на общечитие. Правительства в республике также не может быть, оно не видно, как и в природе. Поэтому представительная республика – обман и лицемерие, замена монархии на самодержавие нескольких. Кроме того, республика – несомненная федеративность, тогда как монархия не может существовать без сильной централизации. В монархии – недоверие к людям, в республике же люди доверяют друг другу.

Но интересно в мыслях Герцена, помимо этого, и то, что не монархия и политическая республика довели людей до «растления всякого нравственного чувства» [Там же, с. 184]. Нет, это люди довели эти режимы до такого состояния. Следовательно, и социальная республика также может быть уничтожена нравственно, если не будет основана на началах тех критериев, которые были описаны выше.

В связи с гегемонизацией нового дискурса интересна работа «С того берега» [Герцен, т. 6, с. 7–133]. В ней формируется система взглядов, которую некоторые исследователи называют «политическим реализмом» [Келли]. Речь идет о такой системе, в которой наличествует пласт анархических воззрений. Но анархизм этот весьма своеобразный, вплоть до того, что ему приходится давать иной термин. Понятие анархии для него синонимично понятию социальной республики, которое он будет употреблять вместо первого, в следующих своих трудах. Употребляя понятие

«анархия», Герцен поясняет: «*анархия* не значит беспорядок, а безвластие, self-government, – дерзкая повелевающая рука правительства заменяется ясным сознанием необходимых уступок, законы вытекают из живых условий современности, народности, обстоятельств, они не вечны, но беспрерывно изменяемы, отвергаемы» [Герцен, т. 5, с. 347]. Идеал Герцена – анархичная федерация общин-городов. Однако социальная республика не отвергает государства, она не может существовать вне данного конструкта, хотя и допускает, что впоследствии в нем может отпасть необходимость.

Интересно и понимание Герценом понятия «демократия». Ее судьба – сжечь все отжившие формы и исчезнуть, став инструментом для того, чтобы открыть дверь в новый мир – мир социальной республики. Таким образом, демократия – не цель, а средство для вхождения в мир, где нет демократии. «Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саваны прошедшему и пеленки новорожденному» [Там же, т. 6, с. 78].

Либерализм, по Герцену, – «ни то, ни се» [Там же, т. 5, с. 54]. Либералы настолько «вшиты» в старый мир, что им жаль его менять, они и не смогут изменить его, потому что для этого им нужно изменить самих себя, перестать быть либералами. Революция 1848 г. как раз не удалась из-за либерализма, который по сути есть консерватизм масс. Они привыкли к понятному укладу жизни, не захотев его менять. Но Герцен не винит массы, не винит он в этом и большинство. Виноваты все, но и в этих «всех» винить некого. Кто виноват? Вот классический вопрос, поставленный им в своем романе.

Но что же такое для Герцена «революция»? Это символ нового мировоззрения после разрушения старых форм. К ней ведет весь процесс исторического развития. Таким образом, весь данный процесс есть процесс-прогресс, который в наивысшей точке являет «социальную республику», которая также может эволюционировать в будущем. Но и понятие регресса знакомо Герцену, ибо, как мы уже говорили, из-за людей любая форма государства может вырождаться, быть «растлена нравственно». Таким образом, понятие революции у Герцена носит также неоднозначный, многослойный характер.

Так, видим, что после Революции 1848 г. в мировоззрении Герцена западнический дискурс сменяется новым дискурсом – социалистическим, который занимает главное место. Его политическая идентичность обре-

тает форму мыслителя-социалиста с крайне специфичным отношением к таким понятиям, как «анархизм», «анархия», «демократия», «либерализм», «революция».

III

Следующий виток развития социалистического дискурса у Герцена – теория «русского социализма». Эта теория у Герцена изложена в ряде работ [см.: Павлов, с. 105]. Название бросается в глаза сразу, так как несет в себе два момента: националистический («русский») и социалистический. Данная теория основывается в своем воплощении и отражении на двух аспектах:

- 1) утверждении, что в России существуют все предпосылки и условия, чтобы в скором времени форсированно перейти к социализму;
- 2) пропаганде такой возможности в кругах европейских мыслителей и в рамках европейской литературы.

Уже отмеченная разочарованность Герцена в скором приходе европейского социализма после Революции 1848 г. заставила его обратить свой взор на Россию. В своих рассуждениях, как мы видели выше, он остановился на невозможности в России ни монархии, ни республики. И вот он конструирует третий путь развития, в котором нельзя было обойтись без того, что он вынес еще из своего западнического периода, – славянофильскую идею общины. Возрождается и идея разделения народа и правительства. Так, недемократическую, ненациональную структуру представляет собой государство, тогда как народ – другое, противоположное. Идея разделения Герценом вновь берется, но трансформируется, преобразуется. Так он избавляется от недемократичных аспектов национальной истории. Российское государство изжило себя. Почему? Герцен отвечает: потому что оно не считается с русским народом, народ вне государства. Так, дискурс просвещенческий трансформируется в дискурс гуманности. Народ же гуманен, так как сохранил общину, которая априори гуманна, т. е. представляет сама по себе ту самую «артель братьев» [см.: Герцен, т. 6, с. 187–223], которую Герцен описывал, говоря о «социальной республике».

Глава исполнительной власти здесь – староста и его помощники, избираемые общиной. Каждый общинник имеет равный голос в политических делах. Если староста злоупотребляет своей должностью, община легко может принудить его отказаться от исполняемой должности.

Рычагов принятия решений несколько:

- 1) действующие обычаи;
- 2) мнение совета старшин;
- 3) мирской сход.

Все это – источники законодательной инициативы. Эти же институты решают судебные дела, ибо среди общинников царит всеобщее доверие, основанное на разуме. «Судебного сословия же нет совсем» [Герцен, т. 12, с. 185].

Однако Герцен не рисует совсем уж идеализированный образ общины. Он замечает ее главный недостаток – «поглощение лица». Понимание этого происходит потому, что дискурс свободы из герценовской мысли никуда не пропадает. В общине каждое «лицо» должно быть свободно, образовано, индивидуально. Община, таким образом, превращается в свободный союз индивидуумов.

Но как община сможет стать этим свободным союзом индивидуумов? Герцен отвечает на данный вопрос так: с помощью так называемого образованного меньшинства, незначительной части дворянства. Именно они – «зародыш и умственный центр революции» [Там же, т. 6, с. 187–223]. Герцен фактически призывает часть дворянства, разночинцев, идти просвещать народ, без чего народ в общине не сможет выйти на уровень социалистической общины. Так, Россия может прийти к социализму быстрее Европы.

Как видим, на данном этапе жизни абстрактный социалистический дискурс Герцена переносится на российскую почву, образуя национальный вариант социализма – «русский социализм». Если понятие социализма, «социальной республики» и анархизма Герцен рассматривал ранее, в период 1848–1849 гг., то здесь он соединяет эти понятия с понятием сугубо национальным – «русский», преобразуя их. Свою политическую идентичность Герцен воплощает уже в качестве адвоката и апологета этого «русского социализма»: именно Россия, а не Европа стоит на пороге социализма. А непросвещенный народ и жандарм во главе государства – это только поверхностный взгляд из Европы, не проникающий в самую действительность русского существования.

* * *

На нескольких страницах мы попытались проследить эволюцию общественно-политических взглядов Герцена, причем попытались это сделать с помощью методологии постмарксизма. В недавнем прошлом

Герцена помнили, но, как думается, не знали. Сейчас, как кажется, не помнят, да и хотят ли знать?

Может быть, рис. 1 отражает эволюцию герценовских взглядов? Хотя он, как и всякая схема, условен.



Рис. 1. Эволюция взглядов Герцена

Но, как кажется, более удачна схема, изображенная на рис. 2, где каждый треугольник соприкасается друг с другом, постоянно своими острыми окончаниями сталкиваясь друг с другом, образуя единую систему в рамках общего, если так можно выразиться, герценовского дискурса, который изменяется внутри самого себя как структура из-за видоизменяющихся множественных артикуляций.



Рис. 2. Структура взглядов Герцена

Данные рисунки являются попыткой систематизировать выводы работы, вернее, несколько их схематизировать.

Барковский П. О становлении понятия «постмарксизм» и его локализации в постсоветской философской традиции // *Topos*. 2010. № 24. С. 64–72.

Воейков М. И. А. И. Герцен и теория опережающего развития // *Terra Económica*. 2015. № 13. С. 34–54.

Герцен А. И. Двадцать восьмое января // Герцен А. И. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1. С. 29–35.

Герцен А. И. Дневник 1842–1845 гг. // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 199–413.

Герцен А. И. Несколько замечаний об историческом развитии чести // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 151–176.

Герцен А. И. Несколько слов о лекции г-на Морошкина // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 319–320.

Герцен А. И. Опять в Париже // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 5. С. 303–384.

Герцен А. И. Отдельные замечания о русском законодательстве // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 320–323.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7–228.

Герцен А. И. Россия // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 6. С. 187–223.

Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 7–133.

Герцен А. И. Старый мир и Россия // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 12. С. 167–200.

Гурин К. Е. Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шантеля Муффа // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 185–192.

Келли А. Республика под судом: Герцен и 1848 год // НЛО. 2002. № 53 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/kelly.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Малия М. Революция 1848 года // НЛО. 2001. № 49 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/malia.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Павлов А. В. Учение о государстве и праве А. И. Герцена : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика культурологии. 2008. № 11. С. 190–205.

Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. СПб. : Изд-во «Азбука-Аттикус», 2011.

УДК 94(470.54-25).084:314

Д. С. Бахарев

НАСЕЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1860 г. ПО ДАННЫМ Х. И. МОЗЕЛЯ: К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИКИ ГЕНШТАБА

Статья посвящена критическому анализу данных о населении Екатеринбурга, опубликованных в «Материалах для географии и статистики России» Генштаба России, собранных в конце 1850-х – начале 1860-х гг. под руководством Х. И. Мозеля. По итогам работы можно сделать вывод об относительной достоверности информации касательно общей численности населения и наличии большого количества погрешностей в сведениях о сословно-религиозном составе населения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая демография, источниковедение, демографический источник, Екатеринбург XIX в.

Одной из важнейших черт современной исторической науки является ее цифровизация, вызванная как идейными соображениями – высокими требованиями к достоверности исследования, так и инструментальными возможностями – компьютерными технологиями. Опора на статистику, построение с ее помощью непрерывных динамических рядов эффективно иллюстрирует и придает убедительность нарративным